

Ольга ГУСИЛЕТОВА:

И тогда я стала блондинкой И БРОСИЛА КУРИТЬ

— Своему высокоумному приятелю я сказала, что хочу взять интервью у актрисы, которая играет Машу в «Чайке». Очевидно полагая, что я ошиблась, он деликатно напомнил, что главную героиню чеховской пьесы зовут Нина. То есть все привыкли, что интервью берут исключительно у исполнителей главных ролей и никак иначе...

— Когда спектакль только-только выпустили, «МК» дал мне премию за лучшее исполнение женской роли второго плана. Единственной из всех, кто играл в чеховской «Чайке» театра «Школа современной пьесы». Что же касается «Чайки» акунинской, то я вообще себя не чувствую неглавной героиней. Там каждый главный. У каждого своя история, своя партия.

— В чем секрет вашей игры? Лично я, сколько постановок чеховской «Чайки» ни видела, ни одной Маши не запомнила. Эта роль как бы стиралась из памяти. Пока не попала в ваш театр.

— Чтобы сыграть Машу, нужно сильное желание. Когда эта роль ко мне пришла, она была мне просто необходима. Я ходила по городу и говорила: «Я хочу играть Машу!» А ведь я тогда была совсем юная, мне было 19 лет.

— Неужели были какие-то личные обстоятельства, которые совпадали с жизненными обстоятельствами вашей героини?

— Конечно. Ведь как обычно играют любовь? Со всем вниманием, мягкостью, бережным отношением к человеку, которого любят. Сейчас-то и я стала более мудрой, а лет в 16–17 была девочкой-сорванцом. Моя любовь никогда не протекала спокойно. Я пыталась привлечь к

себе внимание всеми способами. Мой любимый играл в театре, и я туда шла, и смеялась громче всех, особенно в тех местах, где было не смешно. Могла выпить — и сесть в зале, громко разговаривать. Хорошо, что он был старше меня и все понимал.

— Но вы тогда на что-то надеялись, вам казалось, что все впереди. У Маши же все позади: Костя любит Нину, а ее любит, увы, Медведевко...

— А вот тут вы не правы. Режиссер ставил этот спектакль как шанс для всех. Лето, жара, каждому хочется кого-то обнять... Вот сейчас все произойдет.

— То есть, вы начинаете с чистого листа? Так, будто до начала рассказанной в пьесе истории ничего не было?

— А никакой предыстории и нет. Пьеса начинается с того, что Медведевко идет за Машей и говорит, что любит ее. Он выбрал этот момент для того, чтобы решить свою судьбу. Сейчас — или никогда. А Маша думает: вот сейчас будет этот спектакль, и Костя навсегда уйдет к Нине. Каждый хочет перетянуть судьбу на свою сторону. В этом есть страсть, потому что «Чайка» нам и кажется современной сегодня.

— Оля, вы, конечно же, знаете, что первая постановка пьесы в Александринке провалилась. Не из-за того ли, что там не было такой Маши? Или такой Полины? Или такого Медведевко?

— Чехов считал удачно написанной роль Аркадиной. Про остальные роли он сказал лишь, кого бы не хотел в них видеть.

— Насчет Ольги Гусилетовой он, очевидно, не располагался?

— Вроде нет.

— А не было ли у вас все же

В театре «Школа современной пьесы» идут три «Чайки». Чеховская, акунинская и классическая оперетта. И во всех трех Машу бесценно играет Ольга Гусилетова, причем так, что ее героиню уже не забудешь. Я думала, что неизгладимое впечатление гусилетовская Маша произвела только на меня. Оказалось — и на многих других тоже. Уверена: у этой актрисы впереди не одна главная роль и в театре, и в кино. Но мне захотелось побеседовать с ней как с исполнительницей именно роли Маши. Или ролей Маш? Мы встретились с Ольгой Гусилетовой на следующий день после «Чайки» Чехова. Через час с небольшим ей предстояло выйти на сцену в «Чайке» по Борису Акунину. А на завтра — петь и плясать Машу на музыку Александра Журбина по либретто Вадима Жука.

тайного желания сыграть Нину Заречную?

— Ни тайного, ни явного.

— «Люди, львы, орлы и куропатки...»

— «...рогатые олени, гуси, пауки, молчаливые рыбы...»

— Ага! Вот вы и попались! Монолог-то знаменитый знаете!

— Я знаю роли Сорина, Шамраева, Аркадиной, да и всех остальных. Ведь я бесценно играю все три «Чайки» с момента постановки каждой. Без второго состава.

— Сто лет как автора «Чайки» нет на свете. Что для вас Чехов? Просто один из драматургов, пусть и великий?

— Удивительно, но жизнь меня все время сталкивает с Чеховым. Она как бы говорит: это важно. Когда я только пришла на первом курсе в театр «Школа современной пьесы» и стала играть в спектакле «Без зеркал», все долго не могли запомнить мое отчество. И Ольгой Васильевной называли, и Ольгой Петровной. В конце концов Иосиф Леонидович придумал звать меня Ольгой Леонардовной — и сумел всех обмануть. Он говорил: мы же поэтому и взяли, а иначе зачем она нам нужна? Я долго все это терпела, пока на Ольгу Леонардовну не стали выписывать документы. И вот тогда я отстояла право на собственное отчество.

— Есть ведь, думаю, и другие истории?

— Я участвовала во ВГИКовском дипломном фильме по Набокову. Снимали в бухте Чехова в Гурзуфе. Жили в музее, а чай пили за огромным столом, который когда-то принадлежал Книпперам. Мы все время ощущали себя персонажами Чехова. Отдыхающие, которые приплывали туда на лодках и надувных

«Чайка» А. Чехова. Маша: Как хочется любить! (Медведевко — Саид Багов)

«Чайка» Б. Акунина. Маша: Как хочется убить!

«Чайка» В. Жука и А. Журбина. Маша: Как хочется петь и плясать! (Тригорин — Владимир Качан)

матрацах, интересовались: кто играет Антона Павловича, а кто — Ольгу Леонардовну. А мы им подыгрывали. Собственно, нам и помещение сдали под то, что фильм будет про Чехова.

— Оля, а куда вы думаете стартовать после своих трех «Чаяк»?

— Во взрослую жизнь. Тридцать лет — не девятнадцать. Маша-сорванец осталась в прошлом, играешь по воспоминаниям, по-накатанному. Но хочется уже другого.

— И что же предлагает Иосиф Райхельгауз?

— А он, боюсь, еще не понял, что я выросла. Или не хочет в это верить. Ведь с юными и он моложе, мы же его ученики. Он все время так и говорит: это мои бывшие студенты.

— Кстати, а что это за история про то, как он вас не принял?

— У Иосифа Леонидовича

есть свои четкие представления о том, каким должен быть актер, какой — актриса. В том числе о женственности. У нас в театре почти все актрисы блондинки. И все знают: Райхельгауз любит тонких, звонких, беленьких. Вот и мне пришлось стать блондинкой, хотя от природы я темноволосая. Я тогда была вся такая острая. Курила.

— Неужели бросили?

— Мне поставили условие: бросишь курить — дадим роль. Я долго мучилась, тем более что жила во ВГИКовском общежитии, где курили все. Сразу бросить не удалось, но когда я вышла из метро «Тургеневская», на меня напал такой страх, что желание курить пропало. Причем, я боялась даже не того, что кто-то из своих меня увидит, а самой себя с сигаретой. Я так хотела заниматься профессией! Тем более что приехала в Москву из Хабаровска.

— Откуда бы такое странное желание играть в театре у девочки из города, где даже и театра-то настоящего, наверное, не было?

— Зря вы так говорите! В свое время там ставил даже сам Иосиф Леонидович Райхельгауз. Правда, мы с ним это выяснили уже в Москве. А я там с 11 лет занималась в театральной студии. Хотя до этого про театр ничего не знала, но желание играть, очевидно, сидит внутри каждого. Особенно в провинции. Уже занимаясь в студии, я стала ходить в театр. В Хабаровске, между прочим, есть и музыкальный, и драматический, где тогда работал молодой режиссер из Питера по фамилии Матвеев, и ТЮЗ, где ставил замечательный Аркадий Раскин, ученик Анатолия Васильева. Сейчас в Хабаровске театр, увы, в упадке. А мне повезло, я застала самый расцвет.

— И что было потом?

— После восьми классов я сказала, что больше не могу, села в самолет и улетела в Иркутск, где поступила в театрально-училище. Четыре года училась, работала в ТЮЗе.

— Игнали, небось, зайчиков?

— И «Золотого Цыпленка», и Иванушку в «Двух кленах». Все что было нужно. А потом почувствовала: вот, мне 19 лет...

— ...а ничего для бессмертия не сделано?

— Отвезла вещи домой, собралась, села в поезд — и приехала в Москву. Совершенно не зная, что я в ней буду делать.

— И вот тогда-то вас не приветил Райхельгауз. Он что, курс набирал?

— Сначала он принял 60 человек в подготовительную группу при театре. Мы месяц занимались, затем показывали самостоятельную работу. После чего вывешивались списки. Попавшие в него продолжали учиться, остальные тихо уходили. Было ужасно тяжело, до инфаркта. Мы делились на группы: ведущая, отстающая и резерв. Через полгода тем, кто остался, он разрешил прийти на третий тур во ВГИК. Нас было 14 человек, он добрал еще, и получился курс. Одновременно мы начали играть в театре.

— А что у вас с кино?

— Шли годы. Меня не замечали. И я говорила: ну зачем мне кино, я ведь так люблю театр!

— В смысле, зелен виноград?

— Конечно. Теперь, когда стала сниматься, я многое поняла. На съемочной площадке собираются люди, у которых нет претензий друг к другу. Какая там свобода! И какое это счастье — поработать, разойтись, где-то потом, возможно, собраться заново...

— И что это было?

— Я сыграла две маленьких ролюшки. Одну — в фильме о войне «Эшелон». Вторую — у живущего в Париже очень интересного молодого режиссера Игоря Минаева, «Далеко от Сансетт-бульвара». Буду сниматься и в сериале. Да, театр это дом, стабильность. Но ведь не сидим же мы все время дома!

— Оля, а о личной жизни будем?

— Ну, это отдельный разговор. Могу только сказать, что я не замужем.

Беседовала Юлия РАХАЕВА